

ТРИ ЛАМПАДЫ.

ТРИ ЛАМПАДЫ.

Съ тѣхъ поръ, какъ полковникъ Косоуровъ уѣхалъ на войну, въ квартирѣ Косоуровыхъ теплились каждый день три лампы. Теплились онѣ съ утра, а къ вечеру опять подливалось масло, такъ чтобы всю ночь лампы не гасли.

Первая лампада теплилась въ спальнѣ вдовы генеральши Анны Павловны Косоуровой, передъ темнымъ ликомъ Николая Угодника. У генеральши на войнѣ былъ сынъ; онъ былъ еще молодъ, но дѣлать хорошую карьеру, довольно рано получать полкъ, а теперь на войнѣ перѣдко бывалъ въ опасныхъ сраженяхъ, и скоро долженъ былъ получить генеральскій чинъ и бригаду.

Генеральша вставала рано, долго и старательно выполняла всѣ домашніе обряды, а послѣ завтрака выѣзжала, сначала въ лазаретъ, потомъ въ попечительство, потомъ къ кому-нибудь изъ знакомыхъ, чтобы не порывать давно налаженныхъ хорошихъ связей и отношеній. Что бы она ни дѣлала, она всегда думала о сынѣ, о томъ, что онъ въ опасности, что его могутъ убить. И потому на

ея красивомъ и умномъ лицѣ еще не старой женщины лежала печать особой значительности, которая заставляла всѣхъ ея знакомыхъ обращаться съ нею еще почтительнѣе, чѣмъ всегда.

Двойное чувство горѣло въ ней: скорбный страхъ за нѣжно любимого сына и великая гордость матери, сынъ которой совершаетъ подвиги. Если бы ей пришлось надѣть трауръ, ея горе было бы неутѣшно, но оно достойно и прекрасно наполнило бы остатокъ ея дней. У нея въ жизни было достаточно очастія и въ мѣру горя. Вся ея жизнь, въ мѣру трудная и въ мѣру радостная, научила ея мудрому, величавому спокойствію.

Въ первый же день, проводивъ на вокзалѣ сына, она призвала горничную Дашу, и дала ей обстоятельныя наставленія, когда и какъ теплить лампаду, какъ слѣдить за тѣмъ, чтобы огонь свѣтился ни слишкомъ ярко, ни слишкомъ слабо, и чтобы онъ никогда не погасалъ.

— Понимаешь, Даша,—негасимая лампада.

Горничная Даша, пожилая степенная дѣвица, сильная, какъ деревенская баба, и вышколенная долготѣнкою службою въ генеральскомъ домѣ, выслушала и запомнила твердо все, что генеральша ей говорила. Она знала, что генеральшу нельзя не слушаться, и что она не любитъ повторять одно и то же дважды. Даша заботилась о генеральшинѣй лампадѣ добросовѣстно, и каждый разъ, подливая въ нее масло, клала передъ темнымъ ликомъ строгаго Угодника три земные поклона,—каждый разъ съ чувствомъ своего недостойнства вспоминая свое бурное прошлое.

Генеральша молилась передъ своею лампадою съ тихою и смиренною надеждою,—Милостивый Богъ, быть можетъ до конца будетъ милостивъ къ ней, и вернетъ ей сына.

Жена полковника Косоурова. Евгения Алексеевна, теплила вторую лампаду, передь образом Спасителя, серебряная риза котораго блистала надь двумя кроватями, ея и мужа, на стѣнѣ посрединѣ. День Евгения Алексеевна проводила вѣдше такъ же, какъ и ея свекровь, но вся душа ея была возмущена страхомъ и тоскою. По ночамъ она долго не могла заснуть, плакала и молилась. Днемъ она старалась прилѣпиться къ кому-нибудь чаще всего къ старой генеральшѣ, чтобы хоть немного заглушить свою тоску, отогнать свой страхъ. Но стоило ей остаться одной, чтобы слезы неудержимо лились изъ ея глазъ. Только бесѣды съ дочерью Валентиною утѣшали ее, и послѣ нихъ было на время легко и счастливо.

За ея лампадою ходила тоже Даша. Но Евгения Алексеевна не довѣряла ей, постоянно ходила смотрѣть, не убываетъ ли масло, и часто звала Дашу поправлять огонь.

— Даша,—говорила она,—никакъ ты забыла сегодня о моей лампадкѣ? Мамочкину хорошо заправляешь, а мою какъ-нибудь.

— Простите, барыня,—степенно говорила Даша—я вашу лампадку никогда не забывала и она въ полной исправности. А если вы беспокоитесь, то я сейчас прибавлю масла,—мнѣ не въ трудѣ.

Шла за масломъ, и сердито ворчала про себя:

— Нагрѣпишь только съ вами!

Валентинина лампада ясно и ровно горѣла передь иконою Божіей Матери Скоропослушницы. Валентина зажигала ее сама, и даже сама на свои деньги покупала для нея масло. Дашѣ не нравилась такая самостоятельность барышни. Даша каждый день поглядывала на Валентинину лампадку съ тайною надеждою увидѣть, что барышня забыла подумать о маслѣ или о фитилѣ. Но

явно и ровно горѣть огонь передъ кроткамъ ликомъ Скоропослушницы, и Даша думала завистливо, что ей такъ не заправить лампадокъ, какъ заправляетъ барышня. Если Даша замѣтитъ, что масла въ бутылкѣ остается уже очень мало, она говорила Валѣ:

— Забыла про масло, молитвенница. Дала бы мнѣ покупать масло, исправнѣе было бы.

Валѣ краснѣла и говорила:

— Спасибо, Даша, что напомнила.

И вынимала изъ кошелечка монеты на масло.

У Валентины въ арміи было двое, отецъ и женихъ, но Валентина не боялась ни за одного, ни за другого.

Валентина была веселая и здоровая дѣвушка. Ей мила была дружба стихій: она любила обжигающее поцѣлунъ небеснаго Звѣзды-Солнца, и бурное вѣяніе морского вѣтра и объята ледяной холодной воды, и суровыя ощущенія земныхъ глинъ и песковъ подъ ногами. Она любила свое тѣло въ движеніи, въ работѣ, въ милыхъ ощущеніяхъ дружескихъ стихій, и любила свою мысль вѣчно дѣятельною и что-нибудь придумывающею. И очень любила молиться. Скоропослушница, юная и прекрасная увѣнчанная жемчужною короною, смотрѣла на нее благобно, и Младенецъ на ея рукахъ сидѣлъ прямой и спокойный, Господь бодрѣе и неунывающихъ.

Валентина знала, что все будетъ къ лучшему, надо только предаться волѣ Господней. Въ ней была увѣренность, что и отецъ и женихъ вернутся къ ней—но она не смѣла предаваться этой увѣренности, потому что будущее въ рукахъ Господнихъ, и Богъ не хочетъ, чтобы люди думали о будущемъ и знали. Эту увѣренность въ благополучномъ возвращеніи милыхъ Валентина таяла отъ самой себя въ глубинѣ души, но отъ этой увѣренности ей было всегда спокойно и радостно. И еще она

знала, что надобно имѣть непрерывное молитвенное общеніе съ Богомъ,—надобно, чтобы душа всегда открыта была передъ Господомъ и тогда молитва ея будетъ хранить ея милыхъ, такъ что если Господь и пошлетъ ангела брани по ихъ души, то все же смерть ихъ будетъ легка и непостыдна и легка-легка будетъ ея скорбь. И она плакала, молясь, но въ слезахъ ея была радость.

Она одна изъ трехъ была всегда ясна, терпѣлива, и всегда спокойно поддерживала домашній порядокъ, и заботилась о матери и о бабушкѣ. Ея ясное спокойствіе всегда успокаивало и утѣшало ту и другую, и когда матери или бабушкѣ было очень грустно, онѣ авали къ себѣ Валю, или чаще сами приходили посидѣть съ нею, посмотреть на ясный и ровный, молитвенный огонь лампы передъ благоутробными взорами Скоропослушницы.

Вечеромъ, помолвившись со слезами передъ своими лампадами, мать и бабушка ложились спать. Бабушка засыпала скоро, мать долго плакала, Валя приходила утѣшать ее. Иногда мать и въ самомъ дѣлѣ утѣшалась и засыпала, иногда притворялась, что засыпаетъ, и отсылала Валентину спать. Валентина шла къ себѣ, раздѣвалась и становилась на колѣни передъ Скоропослушницею,—молиться.

Наступалъ лучший, блаженный часъ ея жизни. Не отрывая тихо-мерцающаго взора отъ нѣжнаго лица вѣчно-юной Скоропослушницы, она шептала слова съ дѣтства знакомыхъ и всегда волнующихъ молитвъ. Ея бѣлая сорочка казалась торжественнымъ одѣяніемъ, эмблемою горней чистоты. Ея обнаженные ноги смиренно лежали на свѣтло-синемъ коврикѣ, какъ ноги молящагося на небесахъ свѣтлаго существа. Она поднимала руки къ благоутробному лицу, и всѣмъ тѣломъ тянулась къ нему, и улыбалась и плакала.

Вдруг вспоминала она:

«Мама спитъ ли? Пожалуй, опять плачетъ».

Она вставала съ колѣня и тихо шла къ матери. Почти всегда Валентина заставляла мать плачущею горька Валентина садилась къ ней на постель, и говорила ей утѣшныя слова. И унимались слезы, и угасала скорбь. Говорила мать:

— Валочка, иди, спи. Что ты босикомъ ходишь на холодному полу! еще простудишься.

— Приучена, мамочка,—отвѣчала Валя.

Мать улыбалась.

— Ты у меня сильная и крѣпкая, Валечка,—говорила она.—Безъ тебя мы съ мамочкой совсѣмъ бы отъ слезъ истаяли. Ты и молишься за насъ, ты и утѣшаешь насъ.

— Спи, мама, спи,—говорила Валентина.

Дожидалась Валя что мама заснетъ, крестила ее торжественнымъ движеніемъ стройной руки, и шла опять къ себѣ. И опять молилась, и поднимала руки, и вслѣдъ тѣломъ тянулась къ пресвѣтлому лику, предаваясь на волю Господню. Иногда и засыпала тутъ же, свернувшись свѣтлымъ комочкомъ подъ образомъ.

Горничная Даша спала чутко. Комната Валина была рядомъ съ людскою. Всегда около двухъ часовъ ночи Даша просыпалась и шла взглянуть, спитъ ли барышня. Если Валя стояла еще на колѣняхъ, Даша подходила къ ней, молча брала ее за руку, и вела къ постели. Валентина не сжорила, знала, что Даша непременно уложитъ ее. Иногда думала:

«Уйдетъ Даша, уснетъ, я еще помолюсь».

Но едва голова ея касалась подушки, какъ Валентина засыпала безмятежно-спокойнымъ сномъ.

Если Валя лежала бѣлымъ комочкомъ подъ образомъ, Даша пыталась поднять ее. Иногда Валя просыпа-

лась и шла спать. Иногда же, усталая за день, Валя продолжала спать. Тогда Даша, сердито ворча, трясла Вало за плечо, а иногда, если это не помогало, то она сильно рабочей рукою шлепала Валентину по крепкому тѣлу. Тогда Валентина, не открывая глазъ, поднималась и шла къ постели.

Ясно и ровно горѣлъ надъ ея постелью огонь лампы, и Скоропослушница благостно улыбалась и ясно-засыпающей дѣвушкѣ, и ея усердной служанкѣ. Даша крестилась на образъ, клала передъ нимъ земной поклонъ, и уходила къ себѣ.

Три лампы тѣшили передъ тремя иконами, и три ангела-хранителя бодрствовали надъ тремя изголовьями, навѣвая на спящихъ утѣшающе сны.